Рожкова А. А.

"ВСЕЛЕННАЯ ЛЮБВИ" В "ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОМ РОМАНЕ" С. ДЕ БОВУАР

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/69.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 168-169. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

«ВСЕЛЕННАЯ ЛЮБВИ» В «ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОМ РОМАНЕ» С. ДЕ БОВУАР

Рожкова А. А.
Магнитогорский государственный университет

«Любовь, - замечает исследователь Самохвалова, - образует особую реальность со своими собственными пространственными отношениями, особыми способами «персонализации» и собственной ценностной иерархией…» [Самохвалова 2004: 32]. В своих письмах любви Бовуар создает осязаемую реальность чувств - Вселенную Любви. Используя в названии параграфа «Вселенная» в значении «мир», мы подчеркнули масштабность этого мира, его космизм.

Письма Бовуар к Нельсону Олгрену являют собою попытку перекинуть мост с одного берега Атлантического океана на другой. Для того чтобы появилась возможность взаимного ощущения «любви и счастья - осязаемой реальностью» [Бовуар 2003: 65], необходимо сначала взаимно ощутить, осознать реальную географическую отдаленность друг от друга; почувствовать неприкаянное положение народившейся любви, которая мечется «между» («…между двумя берегами <…> между старым миром и миром новым <…> они в центре мира» [Rétif 1991: 89]) - между Францией и Америкой, Чикаго и Парижем, улицами Вабансия и Бюшри. В своих первых письмах Симона де Бовуар намеренно акцентирует внимание на разделяющих два «мира» времени и расстоянии: «музыка была хороша, играют здесь лучше, чем большинство белых в Америке» [Бовуар 2003: 24], «У нас полночь, а который час теперь в Чикаго? Время ужина, полагаю?» [Бовуар 2003: 21]; «В Париже полдень, а в Чикаго восемь…» [Бовуар 2003: 25]. Возникает потребность сделать «осязаемой реальностью» «трансатлантическую» («бездомную») любовь. На страницах писем появляется прообраз «Вселенной Любви» - образ «уголка» - некоего хронотопа (термин М. Бахтина, обозначающий сопряженность в определенной точке пространства и времени), где Бовуар всегда будет с Олгреном «как любящая супруга с любимым мужем» [Бовуар 2003: 12]; в реальной жизни его аналогом является первоначальное место встреч Олгрена и Бовуар - квартира Олгрена на улице Вабансия (позднее это будут - улица Бюшри, Форрест-авеню, дом на озере Мичиган, улица Шельшер, где в разные периоды жизни жили и встречались любовники). Постепенно размеры «уголка» в письмах разрастаются до «грустных улиц Чикаго», «надземки» - «когда галерея, дерево, улица, целая ночь вмещаются в нашу постель» [Бовуар 2003: 81]. За счет расширения ирреального времени и пространства в письмах Бовуар: «Я чувствую Вас так близко, и если не моя постель, то сердце мое согрето Вашим теплом» [Бовуар 2003: 151] происходит сужение реального расстояния и времени. «Уголок» становится целым миром чувств - «Вселенной Любви». При помощи писем, при помощи словесных параллелей мира собственного с реалиями мира любимого человека: «Я задернула занавески, в комнате мурлычет огонь, пишу Вам из постели, попивая грейпфрутовый сок с джином, как будто я в гнездышке на Вабансии вместе с Вами, когда вместо газовой печки меня согревали Вы» [Бовуар 2003: 266] писательница пытается создать свое пространство любви, в котором соединятся несоединимые Париж и Чикаго и станет возможным жить сразу двумя жизнями, французской и американской - «мне бы так хотелось объединить лягушачье существование на Вабансии со своей трудовой жизнью» [Бовуар 2003: 143]: любить и жить «одновременно во французском садике» [Бовуар 2003: 15] и «в маленькой чикагской квартире» [Бовуар 2003: 16]. Проводниками во Вселенную Любви становятся английский язык и речь, сакральные для двоих топонимы (Бюшри, Вабансия, Чикаго, Париж, Шельшер, дом на озере Мичиган и пр.), связанные с их встречами воспоминания обстановки квартиры Олгрена («урчащий холодильник» и «мазутная батарея», «кресло у кухонного стола»), его вещей (олгреновский «пеньюар» для приготовления еды, печатная машинка) и окружения (Конрой, Жандарм, крашеная блондинка, кот Тигр и пр.), музыка, которую они слушали вместе (джазовые мелодии - «услышав, как оркестр играет ту самую джазовую мелодию, которую мы с Вами слушали вместе, почувствовала удар в сердце такой силы, что просто-напросто впервые в жизни со мной случился обморок» [Бовуар 2003: 525], песня Марлен Дитрих - «внезапно звуки «Лили Мартен» перенесли меня на Вабансию» [Бовуар 2003: 87]), фотографии, которые были сделаны во время их путешествий и встреч, переводы олгреновских произведений («пойду проведу лишний часок с Бруно Байсеком, снова почувствую себя рядом с Вами» [Бовуар 2003: 301]; «эта работа - подлинная, живая связь между нами» [Бовуар 2003: 305]) и пр.

Реальность «эмансипированного иллюзионистического времени» («От обозначения, знака и символа словесное искусство все более и более переходит к изображению, к созданию иллюзии действительности. Именно в связи с этим художественное время все более и более эмансипируется от реального, приобретает самостоятельность и внутреннюю законченность» [Лихачев 1967: 219]), времени, живущего не только в письмах, сердце и голове Бовуар, но и в ее квартире, в виде подарков, фотографий, телеграмм, всевозможных безделиц и предметов интерьера, купленных вместе в различных путешествиях (Новый Орлеан, Юкатан, Гватемала, Мексика. Рим, Неаполь, Искья, Тунис, Алжир, Фес, Марракеш, Бовуар формирует при помощи своих воспоминаний - недавнего настоящего, которое память упорно не желает делать прошлым. Испания, Марсель, Стамбул, Греция, Крит): «Я сохранила все наши сувениры, они постоянно у меня перед глазами, как Вы постоянно у меня в сердце. Между нами смерть не проляжет никогда» [Бовуар 2003: 527]. «Суть этого эмансипированного времени состоит в том, что прошлое, изображенное в реалистическом произведении, получает собственное существование, может развиваться внутри себя - в своей собственной последовательности настолько ясно, «зримо», создает такую иллюзию реального развития времени, что это

прошлое оказывается как бы настоящим - настоящим увлеченного им и перенесенного в него читателя. Прошлое в произведении искусства становится «настоящим» читателя. Читатель, сознавая, что он имеет дело с прошедшими событиями, настолько, однако, в них погружается, что начинает чувствовать в известной мере это прошлое своим настоящим. Читатель как бы живет двойной жизнью: своей и читаемого им произведения» [Лихачев 1967: 352]. Если учесть взаимосвязи художественного времени с жанром произведения, ситуацией, то становится понятным, что не только для «читателя» - адресата (Олгрена), но и для «писателя» - адресанта (Бовуар) происходит «погружение» и обретение ткани художественного времени (времени письма), когда письмо обретает объем и плоть, а прошлое становится настоящим: «для меня имеет огромное значение, что это письмо пишется именно сейчас и сказано в нем, что я *сейчас* чувствую. *Сейчас* - что за странное слово, ибо самый *час* на наших часах различен, и какой огромный смысл приобретает оно, когда наши губы соединяются и мы можем сказать: «Сейчас, сейчас я принадлежу тебе» [Бовуар 2003: 93]; «В тот самый момент, когда Вы спрашивали меня: «Чувствуете, как мы сближаемся?», - я писала Вам: «Мы близки, как никогда»» [Бовуар 2003: 47]. Отсюда эпитеты - «живое» и «свеженькое», которыми писательница наделяет письма Олгрена, прикосновение к которым «переполняет счастьем» [Бовуар 2003: 384]. «Время любви» порой превалирует над реальным временем, управляя последним: «Со времени последнего письма я вела необычайно спокойную жизнь» [Бовуар 2003: 38]. Настоящее, о котором повествует в своих письмах Бовуар, так или иначе сводится ко времени любви (прошлому-настоящему). Рассказывая о буре в деревне Кань, она сравнивает ее с прошлыми бурями, отличающимися от последней присутствием Олгрена: «Мне бы так хотелось спрятаться у Вас на груди, и чтобы Вы снова спросили: «Вас сюда звали?» [Бовуар 2003: 302].

Мир, созданный на пропитанных любовью почтовых листках, для Бовуар был зачастую гораздо реальнее воспоминаний о Вабансии и жизни в Париже: «Так что я сегодня счастлива без видимой причины. Хотя, что я такого получила? Никудышную безделицу, но ведь эта моя собственная любовная безделица, мой и только мой Нельсон, драгоценность для меня, как это ни глупо. Странно, не так ли? Да, дорогой, как только письмо оказалось у меня в руках, как только я еще раз убедилась, что Вы - существо реальное и живое, я поудобнее устроилась в постели, представив на миг, что сплю, прижавшись к Вам, уткнувшись лицом Вам в плечо, и Ваше тепло смешивается с моим. Вас со мною не было, и, тем не менее, я снова заснула, а значит, это не было чистой фантазией» [Бовуар 2003: 362].

В центре этого мира наполненного весною, жизнью и любовью - двое - мужчина и женщина, Возлюбленный и Любящая, соединенные друг с другом любовью. Оба непременно должны быть искренно и самозабвенно влюбленными: лишь неподдельное чувство дает им право на счастье вопреки всему.

Список использованной литературы

1. Бовуар С. де. Трансатлантический роман. Письма к Нельсону Олгрену 1947-1964 / С. де Бовуар; пер. с франц. И. Мягковой. - М., 2003. - 612 с.

2. Лихачев Д. С. Поэтика художественного времени. Художественное время словесного произведения. Преодоление времени в художественной литературе // Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. - Л., 1967. - Ч. IV. - С. 212-223; 351-352.

3. Самохвалова В. И. О психоэнергетической природе любви / В. И. Самохвалова // Философские науки. - 2004. - № 10. - С. 30-51.

4. Rétif F. Simone de Beauvoir et l'autre / F. Rétif // Les Temps Modernes. - 1991. - № 538. - P. 76-95.

К ОПЫТУ ПРОЧТЕНИЯ «LETTRES À SARTRE 1930-1939; 1940-1963» С. ДЕ БОВУАР

Рожкова А. А.
Магнитогорский государственный университет

Материалом для двухтомного эпистолярного издания «Lettres à Sartre 1930-1939; 1940-1963», вышедшего посмертно, в 1990 году, послужили письма Симоны де Бовуар к Жан-Полю Сартру, которые она писала ему на протяжении всей своей жизни. Во Франции «Письма к Сартру…» исследовала Катрин Пуассон на предмет «амбибиографии» (биографии двух в одном) жизни и творчества писателей, в результате чего появилась книга «Сартр и Бовуар: от я к мы». Им посвящена статья Марии-Жо Бонне «Одно любопытное умолчание Симоны де Бовуар» и пр. Широкому кругу европейских читателей «Письма к Сартру…» стали интересны не столько запечатлевшимися в письмах определенной эпохой и незаурядной личностью самой Бовуар, но оригинальными взглядами писательницы на любовь между мужчиной и женщиной - «необходимую любовь», которая связывала ее с Сартром. В России письма к Сартру незаслуженно обойдены вниманием издателей и критиков (в качестве дополнительного ресурса для своих изысканий двухтомный эпистолярий использовали специалист по французской литературе XX века С. Фокин и исследователь творчества Бовуар, Н. И. Полторацкая). Исходя из того, что эпистолярное наследие автора интересно современному российскому читателю, доказательством чему служит публикация в 2003 году писем Бовуар к Нельсону Олгрену, напрашивается единственное объяснение небрежения к изданию - «Письма к Сартру…» в нашей стране до сих пор недооценены российским критиком и издателем. В связи с чем и родилась данная статья, цель которой - позна-